

УДК 821.161.1-4.091 "18"

КНИГА А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН» И «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Зябрева Г. А., Блинова А. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: nastuxa_2006@list.ru*

Публикация посвящена реконструкции интертекста Ф. М. Достоевского в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Выявлены переклички писателей на жанрово-стилевом, идейно-образном, концептуальном уровнях, а также отмечены расхождения между авторами, порожденные их мировоззренческими и поэтологическими предпочтениями. Анализ текстуального материала, проделанный с использованием современных методик освещения литературной реальности, свидетельствует об актуальности проблемы взаимосвязей классиков и новизне полученных результатов.

Ключевые слова: мотив, жанр, интертекст, аллюзия, идейно-эстетическая позиция.

ВВЕДЕНИЕ

А. П. Чехов и Ф. М. Достоевский, как известно, оставили глубокий след в истории русской и мировой литературы. Но хотя связи каждого из них с предшественниками и последователями осмысливались широко и целенаправленно, их контакты друг с другом практически не привлекали внимания исследователей. Причина понятна: каждый из литераторов работал в собственной системе аксиологических и поэтологических координат, кроме того, А. П. Чехов достаточно критически относился к наследию Ф. М. Достоевского (см. письмо к А. С. Суворину от 5 марта 1889 г., [4]). Тем не менее в последнее время в результате активизации компаративного направления в литературоведении проблема творческих взаимоотношений прозаиков встала на повестку дня (см. работы Г. П. Бердникова, М. Ю. Чотчаевой).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В поле зрения ученых-филологов попадают переклички отдельных рассказов А. П. Чехова с «Великим пятикнижием» Ф. М. Достоевского, а также пересечения обоих авторов в области художественной документалистики. Имеются в виду «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Рассматривая эти книги, исследователи, как правило, анализируют их очерково-фактографическую природу и тематику. А между тем оба произведения связаны и мотивно, и концептуально, и идейно-образно. Характеристика именно этого типа связей и составляет цель настоящей публикации. В свою очередь постановка данной цели и результаты ее разрешения определяют научную новизну работы.

Напомним, что за осмысление темы каторги писатели принимаются по разным причинам: Ф. М. Достоевский из-за сложившихся жизненных обстоятельств, связанных с увлечением радикальными идеями, а А. П. Чехов – в силу своей гражданской позиции, жажды познания новой реальности. Переключки между авторами проявляются на разных уровнях. Самый общий из них – уровень жанровый. Ф. М. Достоевский создает «Записки», А. П. Чехов – очерковое произведение, с уточняющим подзаголовком «Из путевых записок». И та, и другая книги представляют собой нравоописательные зарисовки, но у А. П. Чехова доминирует живая фактография, свойственная путевым жанрам, а у Ф. М. Достоевского – художественная типизация характеров и обстоятельств, присущая повествовательной прозе. Следующий уровень – содержательный – касается проблематики произведений: проявлениям русского духа в экстремальных условиях и отношениям отечественной интеллигенции с простым людом. Рассматривая совокупность этих вопросов, оба литератора раскрывают целый ряд сходных коллизий и ситуаций: конфликты в общих камерах, роль азартных игр в повседневной жизни заключенных, телесные наказания, которым те подвергаются, побег с каторги и проч. Все это подается каждым из авторов сквозь призму их эстетических приоритетов. Ф. М. Достоевский на первый план выдвигает психолого-философское исследование души каторжного и обнаруживает, что даже в этих внутренне изувеченных людях проявляются коренные свойства национального характера: его способность к великим страданиям и великому терпению, умение различать добро и зло, не уходить от ответственности за содеянное, вера в высшую справедливость бытия и поэтому взгляд на наказание как необходимое воздаяние за свои поступки. В книге А. П. Чехова доминирует социально-психологический угол зрения: русский народ предстает здесь носителем немалых физических и нравственных сил, искаженных его поведением на воле, порочным бытом каторги и безжалостным отношением со стороны властей и отечественной интеллигенции, принимающей сложившейся порядок вещей с традиционными наказаниями себе подобных. Третий уровень повествования основан на интертекстуальных связях, среди которых преобладают чеховские аллюзии на книгу предшественника. У А. П. Чехова обнаруживаем, как минимум, четыре фрагмента, прямо восходящие к наследию Ф. М. Достоевского: 1) обращение к повести «Село Степанчиково», актуализирующее образ Фомы Фомича Опискина; 2) отсылка к «Мертвому дому», образ которого перерастает в «Острове Сахалине» в образ ада; 3) сцены телесного наказания каторжного, перекликающиеся с «Записками» Ф. М. Достоевского в мельчайших деталях; 4) изображение состояние человека перед смертной казнью, ярче всего представленное у романиста художественно («Идиот»), а у очеркиста – в документально-публицистическом ключе.

Первая аллюзия соотносит фигуру тирана и деспота Опискина с так называемым «культурным» обществом, которое «засело на Сахалине так же крепко, как Фома в селе Степанчикове, и неумолимо <...> как Фома» [3 с. 137]. Посредством своеобразной параллели с героем Ф. М. Достоевского, А. П. Чехов емко характеризует нравы многих «свободных» граждан, чье больное самолюбие и социальная безответственность «заедают» жизнь каторжан.

Вторая чеховская цитата опосредует обращение к «Запискам из Мертвого дома»: «Но, как бы то ни было, "Мертвого дома" уже нет <...> Теперь уже не катают каторжных в бочках и нельзя засечь человека или довести его до самоубийства без того, чтобы это не возмутило здешнего общества и об этом не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири. Всякое мерзкое дело рано или поздно всплывает наружу, становится гласным, доказательством чему служит мрачное онорское дело, которое, как ни старались скрыть его, возбудило много толков и попало в газеты...» [3, с. 320–321]. Этими словами А. П. Чехов утверждает наличие некоей обнадеживающей перспективы, показывает, что каторга все же меняется, она отлична от той, что была при Ф. М. Достоевском, и, кажется, идет по пути определенных улучшений.

Тем не менее, на страницах своей книги А. П. Чехов проводит и совершенно уникальную, воистину трагическую аналогию с предшественником. Хотя Сахалин уже не Мертвый дом эпохи Ф. М. Достоевского, однако в целом он мало чем отличается от ада. Поначалу указание на это возникает лишь в пейзаже: «Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потемки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. Вправо темною тяжелою массой выдается в море мыс Жонкьер, похожий на крымский Аю-Даг; на вершине его ярко светится маяк, а внизу, в воде, между нами и берегом стоят три остроконечных рифа – "Три брата". И все в дыму, как в аду» [3, с. 54]. Далее этот мотив будет варьироваться на протяжении всего повествования: виды грязных казарм, неблагоустроенных тюрем, фигуры худых истощенных каторжников, нищих детей, женщин-проституток, осознание ими невозможности вырваться в другую жизнь, на материк, в настоящую «другую Россию» – все это закрепит образ реального ада на земле. И А. П. Чехов – словно античный Вергилий, путешествующий по кругам сахалинской преисподней, – ужаснет нас не менее, чем его старший собрат по перу.

Третья цитата касается телесных наказаний, изображение которых у обоих писателей совпадает практически полностью. Чеховского арестанта приговорили к наказанию в 90 плетей, арестанта Ф. М. Достоевского – в 105 ударов. А. П. Чехов сам был свидетелем экзекуции, герой Ф. М. Достоевского услышал о наказании от потерпевшего. У А. П. Чехова читаем: «Палач берет плеть с тремя ременными хвостами и не спеша расправляет ее. – Поддержись! – говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар <...> В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли и раздается не крик, а визг». [3, с. 337]. У Ф. М. Достоевского находим: «Тимошка [палач] раздел, положил, кричит: "Поддержись, ожгу!" – жду: что будет? <...> Как он мне влепит раз, – хотел было я крикнуть, раскрыл было рот, а крику-то во мне и нет. Голос, значит, остановился. Как влепит

два, ну, веришь или не веришь, я уж и не слышал, как два просчитали» [2, с. 92]. Как видим, сцена наказания у А. П. Чехова – своеобразная реминисценция из произведения Ф. М. Достоевского, снабженная лишь некоторыми новыми подробностями. Поэтому неслучайно оба автора приходят к одинаковым выводам: телесные наказания – зверское издевательство над человеком, чреватое ожесточением души как самих арестантов, так и зрителей; возводящее жестокость в ранг нормы; по сути – злокачественная опухоль русского общества, которую необходимо искоренить, дабы последнее не погибло.

Сближает авторов «Сахалина» и «Мертвого дома» изображение смертной казни. Этот эпизод у А. П. Чехова аллюзивно связан с известным эпизодом из жизни самого Ф. М. Достоевского, воспроизведенным в романе «Идиот». Приведем соответствующий фрагмент из него: «Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет <...> Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он еще распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты еще положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал <...> Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему всё хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже некто, кто-то или что-то, – так кто же? где же? <...> Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорил, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: "Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!". Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили» [2, с. 51–52].

В книге А. П. Чехова все изложено суше и лаконичнее, но по сути не менее трагично: «Страх смерти и обстановка казни действуют на приговоренных угнетающим образом. На Сахалине еще не было случая, чтобы преступник шел на казнь бодро. У каторжного Черношея, убийцы лавочника Никитина, когда перед казнью вели его из Александровска в Дуэ, сделались спазмы мочевого пузыря, и он то и дело останавливался; его товарищ по преступлению Кинжалов стал заговариваться. Перед казнью надевают саван, читают отходную. Когда казнили убийц Никитина, то один из них не вынес отходной и упал в обморок. Самому

молодому из убийц, Пазухину, уже после того, как на него был надет саван и прочли ему отходную, было объявлено, что он помилован; казнь ему была заменена другим наказанием. Но сколько должен был пережить в короткое время этот человек! Всю ночь разговор со священниками, торжественность исповеди, под утро полстакана водки, команда "выводи", саван, отходная, потом радость по случаю помилования и тотчас же после казни товарищей сто плетей, после пятого удара обморок и в конце концов прикование к тачке» [3, с. 340].

ВЫВОД

Итак, перед нами два сходных эпизода, свидетельствующие, что А. П. Чехов явно идет вслед за Ф. М. Достоевским. Однако выявленная параллель важна также для понимания оригинальности творческой манеры каждого из авторов. То душевное состояние пред смертью, которое Ф. М. Достоевский передает образно – поэтически, посредством глубокого психологического анализа, у А. П. Чехова умещается в двух строчках в одном восклицательном предложении: «Но сколько должен был пережить в короткое время этот человек!» [3, с. 340]. Ф. М. Достоевский исследует происходящее по минутам, словно «материализуя» время, растягивая его. А. П. Чехов, напротив, – концентрирует, спрессовывает временной поток.

Однако, несмотря на несомненные различия, с полным основанием приходим к выводу о реально существующих связях обоих классиков, что диктует необходимость дальнейшего исследования их контактов.

Список литературы

1. Бердников Г. П. Чехов [Текст] / Г. П. Бердников // История всемирной литературы / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1994. – Т. 8. – С. 29–42.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4: Записки из Мертвого дома [Текст]. – 1972. – 324 с; Т. 8: Идиот [Текст]. – 1973. – 509 с.
3. Чехов А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) [Текст]: Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А. П. Чехов; Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М.: Наука, 1978. – 925 с.
4. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 5 марта 1889 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. – М.: Наука, 1976. – С. 168–169. [Электронный ресурс] // А. П. Чехов; Антон Павлович Чехов. – Режим доступа: <http://chegov.niv.ru/chegov/text/raznoe/raznoe.htm>. Проверено 25.05.2014.
5. Чотчаева М. Ю. Художественная концепция человека в творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова: на материале произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин» [Текст] / М. Ю. Чотчаева: дис. ... кан. фил. наук: 10.01.01; М. Ю. Чотчаева. – Краснодар, 2001. – 150 с.

**ANTON CHEKHOV'S BOOK "THE SAKHALIN ISLAND" AND FYODOR
DOSTOYEVSKY'S "NOTES FROM THE HOUSE OF THE DEAD":
PARALLELS AND INTERSECTIONS**

Ziabreva G., Blinova A.

The paper is dedicated to the reconstruction of the Fyodor Dostoyevsky's intertextuality in the Anton Chekhov's book "The Sakhalin Island". The common points in genre and stylistics, ideology and conceptions have been discovered, the differences between the authors, which are generated by their worldview and poetical preference, have been marked. The analysis of textual material, which has been done with the help of modern literary techniques, proves the relevance of the problem of the relationship between the classics and novelty of the results.

Key words: motive, Genre, Intertext, Allusion, Idea-aesthetic position.